

Линь Цзичу теперь понимал: Шэнь Цихань — человек опасный. По крайней мере, для него самого.

Опасность крылась в том, что один лишь взгляд на Циханя поднимал из глубин памяти цунами былых счастливых дней, которое мгновенно увлекло Цзичу за собой — точно беспомощную песчинку, не способную сопротивляться течению.

И почему их прошлое казалось таким сказочным? Не будь оно столь прекрасным, не бреди оно душу сладкой тоской, насколько же легче было бы сейчас! Ему не пришлось бы так отчаянно страдать.

Он колебался несколько секунд. К счастью, он вовремя спохватился и не позволил себе окончательно погрязнуть в этих мыслях.

— Не нужно, — негромко отозвался он. — Я и так усну.

Если судить объективно, пел Шэнь Цихань так себе. Но когда-то Цзичу искренне наслаждался его голосом и готов был слушать его часами.

Наверное, это и называют слепой любовью. Когда кто-то тебе дорог, ты принимаешь его целиком — со всеми недостатками. И даже если у него нет ни слуха, ни голоса, его нескладное пение кажется тебе самой прекрасной мелодией на свете.

Услышав негромкое «хорошо», в котором сквозило какое-то странное, неуловимое чувство, Линь Цзичу безмолвно закрыл глаза.

Минут пять в комнате царило глубокое молчание. Лишь за окном монотонно барабанил дождь, утомляя своим бесконечным шумом.

Сон не шел, и Цзичу просто лежал неподвижно, пытаясь расслабиться.

На душе было беспокойно. Безумно хотелось открыть глаза и подсмотреть, чем сейчас занят Цихань, но Цзичу сдержался. Он всем существом чувствовал: тот по-прежнему сидит рядом, карауля его сон и не отходя ни на шаг.

Это мимолётное мгновение близости дарило такое умиротворение, что Цзичу даже не хотелось засыпать. Ему хотелось продлить это безмолвное единение, разделить с Циханем эту тишину на двоих.

К тому же он малодушно боялся, что, стоит ему открыть глаза, Цихань вежливо скажет что-то вроде: «Отдыхай, я пойду, не буду тебе мешать». Но, к счастью, этого не случилось. Цзичу не открывал глаз, а Цихань не проронил ни слова.

В конце концов усталость взяла своё, и Цзичу сам не заметил, как погрузился в глубокий, целительный сон. Должно быть, оттого, что на душе у него потеплело, сны его в ту ночь были лёгкими и безмятежными.

Проснулся Линь Цзичу только в половине двенадцатого дня.

Всё это время Шэнь Цихань так и просидел на стуле у его постели. Экран его телефона изредка вспыхивал, но он даже не смотрел на него — ему было не до этого.

Сейчас для него не существовало ничего важнее спящего юноши. Линь Цзичу безраздельно владел всеми его мыслями.

Тем временем Сяо Ди отправил боссу уже несколько сообщений: хотел узнать, что тот планирует на обед, и напроситься за компанию. Но Хань-гэ упорно молчал.

Помощник, конечно, озадачился, но ломиться в номер к начальству не рискнул. Рассудив, что молчание — знак согласия обедать порознь, он решил заняться собственными поисками пропитания.

Вдруг на тумбочке снова вспыхнул экран. Поняв, что это вибрирует не его мобильный, Цихань слегка размял затёкшую шею и посмотрел на лежащий рядом телефон Цзичу.

Кто-то прислал сообщение. Впрочем, любопытствовать Цихань не стал и поспешно отвёл взгляд, вновь залюбовавшись бледным лицом юноши.

Он не сводил с него глаз всю ночь, но так и не смог насмотреться. Хотелось бесконечно вглядываться в эти родные черты.

Ему мало было минут или часов — он хотел бы провести так вечность, наблюдая за мирным дыханием Цзичу изо дня в день, из года в год.

Словно в ответ на эти мысленные мольбы, тишину внезапно нарушил резкий звонок в дверь. Цихань недовольно нахмурился, чувствуя глухое раздражение от того, что его так бесцеремонно прервали.

Сделав глубокий вдох, он бесшумно поднялся со стула. Сначала проверил, не разбудил ли звонок больного, и только убедившись, что Цзичу спит всё так же крепко, тихо направился в прихожую.

Заглянув в глазок, он увидел на пороге Сюй Хая.

Спустя секунду замок щелкнул, и дверь распахнулась. Сюй Хай уже приготовился улыбнуться, но застыл с полуоткрытым ртом: вместо ожидавшегося хозяина номера перед ним вырос Шэнь Цихань, чьё появление здесь выглядело по меньшей мере странно.

Он едва не позвал «Сяо Линь», но вовремя сдержался. Сюй Хай озадаченно спросил:

— Сяо Шэнь? А ты что здесь делаешь? Я... номером ошибся?

Он даже непроизвольно посмотрел на табличку, перепроверяя номер.

Цихань прекрасно понял его замешательство. Он сухо ответил:

— Вы не ошиблись. Линь Цзичу заболел, и я за ним приглядываю.

— Заболел? — искренне удивился Сюй Хай. Он попытался заглянуть вглубь комнаты через плечо Циханя, но планировка номера не позволяла ничего разглядеть. — Как так вышло? Вчера под ливень попал?

— Да, — коротко подтвердил тот.

Сюй Хай смерил коллегу долгим взглядом.

— Я могу войти, проведать его?

Цихань не имел никакого права преграждать ему путь, поэтому нехотя посторонился, пропуская гостя внутрь.

Линь Цзичу проснулся вовсе не от бушевавшей за окном непогоды, а от приглушённого разговора у входа. Он удивлённо посмотрел, наблюдая, как к его постели приближаются Цихань и Сюй Хай.

Увидев старшего коллегу, юноша попытался приподняться и заговорить, но голос прозвучал едва слышно:

— Учитель Сюй... вы пришли.

— Сяо Линь, что с тобой? — Сюй Хай взволнованно шагнул к кровати и сочувственно склонился над ним. — Всего день не виделись, а ты уже слёг. Как ты себя чувствуешь? Где болит?

На лбу у Цзичу всё ещё белел охлаждающий пластырь. Выглядел он измученным и бледным, а его сонные движения казались совсем вялыми.

Шэнь Цихань молча стоял рядом, буравя взглядом Сюй Хая, который так настойчиво окружал Цзичу своей заботой.

— Мне уже лучше, — Линь Цзичу слабо качнул головой, пытаюсь успокоить Сюй Хая. — Отосплюсь немного, и всё пройдет.

— Ну и славно. Главное — лежи и не вставай, — Сюй Хай бережно поправил одеяло. Его тёплый взгляд мог растопить любой лёд. — Кстати, я как раз собирался спуститься пообедать. Тебе принести чего-нибудь? Может, лёгкого бульона или лапши?

В отличие от благодушного Сюй Хая, Цихань становился мрачнее тучи. Он стоял, скрестив руки на груди, так и пыша ледяной яростью, но прервать этот разговор не решался — понимал, что не имеет права вмешиваться.

Однако его терпение таяло на глазах. В груди клочкотала бешеная ревность, грозя вырваться наружу. Каждое слово, которым обменивались эти двое, каждая слабая улыбка, которую Цзичу дарил Сюй Хаю, подливали масла в этот и без того бушующий огонь.

Наконец Сюй Хай ещё раз велел больному хорошенько выспаться и поднялся на ноги.

Цихань отлично знал свою слабость: когда дело касалось Цзичу, рассудок отключался, уступая место чистому эгоизму. Сгорая от нетерпения, он тут же вызвался проводить незваного гостя и пошагал за ним к выходу.

У самого порога Сюй Хай внезапно обернулся и с прищуром оглядел Шэнь Циханя:

— А ты? Разве тебе не пора?

— Я остаюсь с ним, — отчеканил Цихань, глядя прямо ему в глаза.

Сюй Хай прищурился. Несколько секунд он молча изучал Циханя, словно пытаясь разгадать его истинные намерения. Наконец, не став спрашивать дальше, он лишь тихо вздохнул:

— Что ж... присмотри тогда за ним. Пожалуйста.

И зашагал по коридору.

Сюй Хай уже снимался с Циханем в одном проекте и помнил его характер. Он и представить не мог, что этот высокомерный парень способен проявлять подобную заботу. Да что там о ком-то заботиться — Цихань и за собой-то уследить толком не умел, вечно витая в облаках.

Во время недавних посиделок за хого Цихань обмолвился, что они с Цзичу тоже работали вместе. Но глядя на то, как эти двое ведут себя сейчас, Сюй Хай начал подозревать, что связывает их нечто гораздо большее, нежели простое профессиональное прошлое.

Уж точно не такие сухие отношения, какие связывали его самого с Циханем.

«А впрочем, может, дело в возрасте, — подумал Сюй Хай. — Хоть на экране наши персонажи и сверстники, в жизни мне уже перевалило за тридцать, а они — двадцатилетние мальчишки. Вот и сошлись характерами».

Проводив Сюй Хая взглядом, Цихань захлопнул дверь. Ему было глубоко плевать на чужие догадки. Он торопливо вернулся в спальню.

Ему не нужны были чужие напутствия, чтобы беречь этого человека пуще зеницы ока.

Но стоило ему переступить порог, как он замер: Цзичу, преодолевая слабость, пытался подняться с постели. Цихань испуганно бросился к нему, бережно перехватил под мышки и мягко уложил обратно.

— Ты куда? Что тебе нужно?

Цихань говорил так близко, что его горячее дыхание коснулось шеи. Только-только спавший жар вновь прилил к щекам Цзичу, окрасив их пунцовым румянцем. Это тепло мгновенно отозвалось в груди, заставив сердце взволнованно и часто забиться.

В прежние времена Цихань часто дразнил его «наивным кроликом» за то, что тот никак не мог побороть дурацкую привычку краснеть по любому поводу. Они целовались тысячу раз, делили постель, но Цзичу всякий раз смущался так, словно всё происходило впервые.

Но юношеская страсть туманила разум. Им не было дела до условностей — хотелось лишь без остатка раствориться в этом безумии. Цзичу искренне верил, что его румянец — столь же естественный отклик тела на ласки Циханя, как и ненасытное желание обладать им снова и снова.

Цихань прекрасно знал об этой его особенности. И потому после каждой близости намеренно тёрся кончиком носа о его пылающую щёку и с лукавой усмешкой спрашивал:

— Ну надо же, Чу-Чу, почему ты опять весь горишь? Неужели так сильно застенялся?

Цзичу никогда не отвечал. Он знал, что над ним издеваются, да и слов подобрать всё равно не мог. Ему оставалось лишь надуться, изо всех сил оттолкнуть наглеца и крикнуть: «Шэнь Цихань, ты невыносим!»

— Цзичу? Что с тобой? Жар снова поднялся?

Встревоженный голос Циханя вырвал его из плена воспоминаний. Цзичу вздрогнул и сфокусировал взгляд. Шэнь Цихань обеспокоенно хмурился, прикладывая тёплую ладонь к его лбу.

<http://bllate.org/book/18328/1866317>